

И. В. Метлушко
Минск, МГЛУ

ЖАНР КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ

Изучение феномена интенциональности представляется весьма перспективным направлением в современной лингвистике. Разработанные методики интен-анализа позволяют выявлять типовые коммуникативные намерения (интенции), систематизировать полученные данные о иерархических и структурных компонентах текстовой интенциональности. Рассматривается возможность использования полученных данных в качестве основы для дальнейшей разработки классификации жанрового и дискурсивного многообразия.

М. М. Бахтин в 1953 г., размышляя над дихотомией «система языка – речь», заметил: «Язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык» [1, с. 160]. Данное наблюдение, приобретая новые смысловые ракурсы и терминологические дополнения, остается актуальным и сейчас.

Так, исследование «языка, который входит в жизнь через конкретные высказывания» проявляется в изучении не только общих свойств коммуникации, но и частных ее вариаций, присущих различным социальным, профессиональным, гендерным, возрастным группам и отдельным личностям. Исследованию подвергаются не только «статичные тексты» [2, с. 21], но и дотекстовые коммуникативные намерения (интенции) каузирующие текстопорождение.

Термин *интенциональность* (интенция от лат. *intentio* ‘намерение, замысел’), получивший распространение в XIX – XX вв. в учении о сознании человека (Ф. Brentano, А. Мейнонг, Э. Гуссерль и др.) [3], начал активно использоваться Дж. Остином и его последователями в лингвистической философии (одно из направлений аналитической философии). Рассматривая язык как «инструмент для совершения различных действий» [4, р. 37], интенциональность мыслилась исследователями как значимая категория для понимания и детализации иллокуции в теории речевых актов.

Наиболее базовым определением интенциональности (коммуникативного намерения), ставшим основой для терминологического поиска и детализации, является, на наш взгляд, определение Г. В. Колшанского: «Интенциональность – своеобразный сплав потребности, мотива и цели» [5, с. 53]. Л. Р. Дускаева уточняет: «Цель – это результат, стремясь к которому, субъект осуществляет свою деятельность. Характер этой деятельности определяется мотивом и потребностью, тем самым структуру типовой интенции представляют, по крайней мере, два составляющие – мотивационный и содержательно-смысловой аспекты. Мотивационный аспект указывает на направление предвосхищаемого процесса воздействия, потребность – на характер предвосхищаемых изменений в смысловом поле адресат. Направление коммуникации

задается характером предвосхищаемого читательского запроса, который в свою очередь детерминируется традициями информационной деятельности» [6, с. 13].

Из сказанного выше следует, что определение первичной (авторской) интенциональности позволяет адресату и адресанту осознать первопричины текстопорождения, считать взаимодействие коммуникативным успехом или коммуникативной неудачей. При этом интенция представляет собой многомерное явление, «сплав» [5, с. 53] и обладает рядом отличительных характеристик:

а) двуплановость – сочетает в себе два аспекта – «интенциональность, детерминируемую традицией употребления в той или иной сфере общения, и интенциональность, определяемую самим творцом. Это обусловлено сочетанием стереотипного и творческого в конкретном творческом акте» [6, с. 11];

б) экстралингвистичность или дотекстовость – интенциональность дискурса обусловлена внеязыковой составляющей и служит для удовлетворения профессиональных, эстетических, личностных и т.п. потребностей, мотивов, целей субъекта;

в) системность – «даже отдельная интенция – системный феномен, несущий на себе печать черт, свойственных всей системе, а кроме того, вырабатывает черты, присущие только этим компонентам. Эти признаки системности свойственны и структуре интенции» [6, с. 12];

г) имеет структурные различия, отражающиеся в способах языкового воплощения, в силу присущего ей «своеобразного сплава потребности, мотива и цели» [5, с. 53];

д) иерархичность – каждая интенция занимает особое место в иерархии интенций, получивших воплощение в некотором дискурсе или в комплексной иерархии интенций. Согласно теории планирования М. Братмана, человек – планирующая личность (planning agent), а интенции – элемент стабильной иерархической модели планирования, где каждая новая интенция рождается на месте ранее реализованной [7, р. 34]. «Интенции являются тем иерархически высоким уровнем речевой системы, который ближайшим образом связан с личностью говорящего, его устремленностью, предпочтениями, включенностью в практическую жизненную деятельность [8, с. 73];

е) типизированность – интенциональность складывается из потребностей типовых интенций (профессиональных, личных, эстетических, гендерных и т.п.), которые вызывают образование текстотипов, т.е. речевых жанров. Типизированность интенциональности имеет прямую зависимость от вида жанра, дискурса. Так, в жанре, дискурсе находят воплощение не только типовые, но и универсальные, специфичные для данного вида дискурса интенции [6, с. 12].

Накопленные знания об интенциональности, с одной стороны, привели к недавнему формированию *интенциональной стилистики* (термин Л. Р. Дускаевой) [6], с другой – рассматриваются как возможное решение таксономической жанровой неопределенности – отсутствие универсальной классификации жанров на фоне достаточно детального изучения некоторых

из них. Примечательно, что современная лингвистика столкнулась с той же таксономической проблемой, что решалась в лингвистике в 1960-х гг. в работах Дж. Суэйлса, М. М. Бахтина и др. Об этом А. А. Кибрик пишет: «На данный момент неизвестно, можно ли построить на лингвистической основе удовлетворительную классификацию жанров, или хотя бы определения отдельных жанров» [2, с. 20], при этом он указывает на перспективность доминантно-функционального подхода, основанного на идеях Дж. Суэйлса [9].

В концепции Дж. Суэйлса понятие *жанр* используется как один из способов описания различий между видами дискурса. Каждый жанр включает в себя некоторый «класс коммуникативных событий, члены которых имеют определенный набор коммуникативных целей» [9, р. 30]. «Дискурсивные жанры рассматриваются как имеющие коммуникативные цели, а дискурсивные сообщества – коммуникативные намерения» [9, р. 43]. При этом, «цель, ради которой совершается речевое действие, называют коммуникативным намерением, т.е. чтобы добиться цели, реализовать свое коммуникативное намерение, говорящий строит высказывание» [10, с. 34]. Количество реализуемых прагмаориентированных коммуникативных намерений теоретически неограниченно, но практически регулируется установленными социально-культурными нормами и отношениями внутри дискурсивного сообщества.

Более того, коммуникативные цели и реализуемое коммуникативное намерение должны быть признаны и узнаваемы опытными членами «родительского дискурсивного сообщества» [9, р. 14], т.е. должны как соответствовать установленному дискурсивному жанровому канону, включающему в себя лингвистическое соответствие выработанным нормам, так и вписываться в структурно и прагматически заданный жанровый каркас.

Подобная негласная «сверка» коммуникативных целей внутри некоторого жанра составляет обоснование возникшего либо существующего жанра. При этом коммуникативная цель является не только главным критерием в формировании жанра, но и сохраняет область действия жанра.

Помимо универсальной коммуникативной цели, жанры демонстрируют сходства и в предполагаемой аудитории. Если все указанные ожидания/требования реализованы, текстовый образец рассматривается как «прототипичный для родительского дискурсивного сообщества» [9, р. 14].

Официальные заявления о коммуникативных процедурах в дискурсивных сообществах не всегда соответствуют реальной практике, что обусловлено самой природой и творческим потенциалом языка и языковой личности. Участники дискурсивного сообщества могут нарушать каноны, присущие тому или иному дискурсивному жанру в момент реализации своих коммуникативных намерений. Полагаем, что нарушение некоторых принципов построения того или иного жанра допустимо и оправдано для реализации первичных (авторских) коммуникативных намерений до тех пор, пока жанровая принадлежность распознается другими участниками сообщества, выполняет свои коммуникативные цели и позволяет считать взаимодействие коммуникативным успехом.

Исходя из гипотезы о конечности перечня типовых коммуникативных намерений (интенций), был предпринят ряд попыток их установления и систематизации. Например, установление интенций и их последующая структурная презентация представлены в работах Н. Д. Павловой, Т. Н. Ушаковой, Е. А. Песковой на материале политического дискурса [11]; А. Р. Арутюнова и П. Г. Чеботарева в диалогическом общении [12]; Л. Р. Дускаевой – в различных подтипах медийного дискурса [6].

В ходе указанных исследований было выявлено, например, 37 интенций, реализованных в предвыборных выступлениях политиков: *вовлечение в обсуждение, демонстрация компетентности и готовности действовать, демонстрация силы, осуждение, предостережение, завоевание внимания* и др. [11]. Более обобщенная классификация выявленных интенций представлена в «Каталоге коммуникативных единиц. Интенции» и включает в себя такие интенции, как, например, *идентификация, интерес, безразличие* и др., входящие в подраздел «Этикет» раздела «Формальная коммуникация» [12].

Л. Р. Дускаева связывает сложность интенцент-анализа с тесным информационным и интенциональным переплетением в процессе текстопорождения, констатируя, что говорить можно лишь о степени проявления некоторой интенций в каждом типе текста. Исследователь проводит намеренное условное дробление объекта и фиксирует большую/меньшую степень выраженности той или иной интенции [6, с. 13]. Так, «в ответ на запрос о фактах возникает *осведомительная интенция, оценочная* – в ответ на запрос о мнениях, *побудительная* – в ответ на запрос о предписаниях» [6, с. 13]. Соотношение оценочного, побудительного и познавательного компонентов интенции может варьировать, становясь ведущим или вспомогательным, в зависимости от каждого конкретного намерения субъекта речи.

Таким образом, сложно переоценить перспективность интенцент-анализа для дальнейшего развития лингвистики в целом, и прагма- и коммуникативной лингвистики в частности. Несмотря на многочисленность предлагаемых методик анализа и подходов к выявлению интенций, на данный момент отсутствует универсальный комплексный подход. При этом полученные данные о качественных и количественных показателях представленности тех или иных интенций в текстах различных жанров позволяют рассматривать результаты интенцент-анализа как перспективное направление для таксономического структурирования жанрового и дискурсивного многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Собр. соч. / М. М. Бахтин // Полн. собр. соч. : в 6 т. – М. : Рус. словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. *Кибрик, А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик. – Москва, 2003. – 90 л.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139766>. – Дата доступа : 09.09.2020.

4. *Austin, J. L.* How To Do Things With Words / J. L. Austin. – Oxford Univ. Press, 2018. – 170 p.
5. *Колшанский, Г. В.* Проблемы коммуникативной лингвистики / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 51–62.
6. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. ст. / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб., 2012. – С. 10–16.
7. *Bratman, M.* Intention, Plans, and Practical Reason / M. Bratman. – Harvard Univ. Press, 1999. – 200 p.
8. *Ушакова, Т. Н.* Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб., 2000. – 316 с.
9. *Swales, J.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge Univ. Press, 1990. – 260 p.
10. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 293 с.
11. *Павлова, Н. Д.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2017. – 170 с.
12. *Арутюнов, А.* Интенции диалогического общения и их стандартные реализации / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев // Рус. яз. за рубежом. – 1993. – № 5 – 6/93. – С. 75–82.

The study of the phenomenon of intentionality is a promising scientific direction in modern linguistics. The developed methods of intent-analysis make it possible to identify the typical communicative intentions, to standard the data on the hierarchical and structural components of text intentionality. The possibility of using the obtained data as a basis for the further genre and discourse classification is dwelt on.